

DOI: 10.31857/S086919080001867-0

Для цитирования: Чвырь Л.А. Рецензия на: Е.И. Ларина, О.Б. Наумова. Сквозь модернизацию. Традиции в современной жизни российских казахов. М.–СПб: Нестор-История, 2016. 304 с., ил. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 227–231. DOI: 10.31857/S086919080001867-0

For citation: Chvyr L.A. Review of: E.I. Larina, O.B. Naumova. *Skvoz' modernizatsiiu. Traditsii v sovremennoi zhizni rossiiskikh kazakhov* (Through modernization: traditions in the contemporary life of the Kazakhs). Moscow – Saint Petersburg, Nestor-Istoria, 2016. 304 pp., ill. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 227–231. DOI: 10.31857/S086919080001867-0

Е.И. ЛАРИНА, О.Б. НАУМОВА. СКВОЗЬ МОДЕРНИЗАЦИЮ.
ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ КАЗАХОВ.
М.–СПб.: Нестор-История, 2016, 304 с., ил.

© 2018

Л. А. ЧВЫРЬ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6523-8058>
lchvyr@yandex.ru

Тема пресловутого взаимодействия традиции и современности, разумеется, не нова, но сейчас внимание исследователей сфокусировано преимущественно на процессах двух-трех последних десятилетий. Именно в этот ряд и встает рецензируемая книга. Однако она обладает некоторыми особенностями, которые имеет смысл отметить, так что мой текст – скорее «заметки на полях» этой монографии. Жанр рецензии обычно предполагает критику либо одобрение авторской концепции или выводов и их презентацию. Но не только. На читательское восприятие, как давно доказано, помимо содержания влияет еще форма и интонация изложения, иными словами – способ подачи материала, значительно дополняющий смысл всего высказывания, стимулирующий читателя к размышлениям. Именно этот ракурс книги Е.И. Лариной и О.Б. Наумовой привлек мое внимание, правда, читателя «продвинутого», то есть заинтересованного и отчасти подготовленного. Избранная авторами манера повествования оказалась полностью адекватной поставленной цели – продемонстрировать итоги развития традиции российских казахов за последние десятилетия.

В предисловии означены исходные исследовательские позиции, одна из них – необходимость учитывать специфику расселения российских казахов, издавна проживавших вдоль нынешней российско-казахстанской границы в многовековом и тесном общении с другими коренными народами этих территорий, особенно с русскими. Культура российских казахов, живущих несколькими локальными сообществами, неоднородна, но в целом весь их ареал находится на периферии по отношению и к Москве, и к Алма-Ате, то есть расположен между двумя полюсами культурного влияния – этнического (преимущественно из Казахстана) и общенационального (в России) (с. 15–16).

О.Б. Наумова и Е.И. Ларина, опытные этнографы, «полевики» и к тому же испытанный научный тандем, безошибочно выбрали для анализа самые показательные грани современной культуры российских казахов, еще несущие традиционные черты. Но книга интересна не только тем, о чем она повествует, но и тем, как авторы делают это. Нам предлагают преимущественно *этнографический взгляд* на сюжеты и эпизоды их культурной жизни в девяностые – нулевые годы (хотя для общей ориентации читателя введены необходимые краткие данные по статистике, социологии, истории, политологии, касающиеся изучаемой группы населения). Авторы, опираясь на свой обширный полевой

материал и на опыт многолетнего непосредственного общения с народом, начинают свое исследование с изучения идентификации российских казахов.

Если книга начинается с рассмотрения какого-то вопроса или явления, значит, авторы придают ему особое значение. Первая глава затрагивает актуальную проблему, вставшую перед многонациональным населением России и стран СНГ – поиск новой идентичности после развала СССР. Здесь она напрямую связана с характерным, хотя и относительно недавним явлением – заметной миграцией части российских казахов в соседний Казахстан. Основные политические, экономические и идеологические причины и перипетии этих переселений уже проанализированы в литературе, но авторов рецензируемой книги больше всего интересуют последствия данного исторического эпизода для самих мигрантов, позднее возвратившихся домой. В тексте приведены их впечатления и воспоминания о надеждах и разочарованиях, суждения и оценки произошедшего, собранные вместе, они выглядят очень выразительно, причем народная точка зрения (самоописание, самотолкование, объяснения) подается через цитирование многочисленных устных высказываний информаторов, которые в конце концов подводят к ряду тонких наблюдений о приобретенном казахами-мигрантами опыте, который постепенно стал коллективным мнением всех окружающих их сородичей (с. 50–53, 56, 60, 63).

Следствием расширения социального и этнического кругозора российских казахов-мигрантов стала, по удачному выражению авторов, «кристаллизация их самосознания». С одной стороны, они яснее осознали самобытность своей локальной группы, а с другой – заметно усилились издавна существовавшие контакты казахов-родственников по обеим сторонам нынешней государственной границы. В итоге среди российских казахов укрепилось и расширилось представление о едином религиозно-этнокультурном пространстве, объединяющем их с казахстанскими собратьями. Однако все это, по наблюдениям этнографов (подтвержденным и данными социологов), совсем не затемнило так же четко осознаваемой их гражданской идентичности, приверженности своей «малой родине» (каковой они почитают Алтай, Самару, Астрахань или другие ареалы массового расселения казахов в России). Иными словами, их самосознание стало устойчиво-двойственным (с. 3).

Тема второй главы – традиционные формы самоорганизации у российских казахов – весьма показательна для изучения модификации традиционных институтов, и это тоже сугубо этнографическое исследование. Традиция передачи права решать насущные вопросы жизни общин уважаемым старикам из народа – универсальна, а в Средней Азии и Казахстане она еще и сохранялась довольно долго, пока в советские времена почти не исчезла. Однако в критических ситуациях конца XX в. социальная память казахов оживила отдельные институции традиционной самоорганизации снизу (с. 83, 95–96). Сейчас полномочия советов старейшин несколько аморфны и ограничены, но главные их свойства пока сохранены: стихийное возникновение, действия по инициативе «снизу», регулирование взаимоотношений в семейно-родовых, аульных, хозяйственных, культурных, религиозных делах, то есть на низовом уровне (недаром в квартальной общине народ часто воспринимает их как гарантов от произвола местных властей, полиции). Правда, их распространение не повсеместно, но у большинства российских казахов они все же остаются самостоятельным и действующим социальным институтом (с. 99, 101, 107–110, 264–266).

Анализ изменений в традиционных праздниках российских казахов тоже выявил любопытную тенденцию (гл. 3). Старинные обычаи и обряды, сохранившиеся в быту под своими прежними названиями, население относит к традиционным, хотя они уже обрели (целиком или частично) иные формы, а часто и новое содержание, иногда прямо противоположное прежнему. Например, раньше казахи отмечали празднование двенадцатилетнего животного цикла коллективным благодарственным жертвоприношением, а те-

перь это чаще праздник конкретного человека, напоминающий современный день рождения.

Диапазон представленных в книге модификаций этой традиции довольно широк – от случаев ее исчезновения до разнообразных переделок; особенно интересны новации, еще только формирующиеся праздничные формы. Удивительный на первый взгляд пример – практика почитания ликвидированных (в советское время) аулов, по сути – поминовение целых исчезнувших казахских общин, своеобразная форма коллективной памяти. Эта практика ярко иллюстрирует вывод авторов – нередко новые традиции во многом создаются «по старым лекалам» (с. 265).

Емкий и выразительный материал о разновидностях трансформаций в религиозной области (гл. 5) воспринимается как кульминационный в монографии. К числу наиболее характерных черт «религиозного ландшафта» российских казахов относят степень их исламизации в разных локальных сообществах. Упоминаются массовое строительство мечетей, расширение духовного образования, появление новой прослойки «образованных» имамов, но все это лишь внешние признаки «религиозного возрождения», во многом инициированного влияниями из Казахстана. Усилия авторов монографии направлены на изучение более глубокого явления – религиозности казахов. В тексте представлен целый спектр мнений имамов и мулл старшего и младшего поколений, фрагменты высказываний рядовых верующих, которые помогают читателю понять мотивации религиозного поведения населения по разным поводам и – шире – представления народа об исламе (с. 177–200). Сосуществование новшеств и сохранившихся доисламских «пережитков» в быту и обрядности казахов подтверждают и содержательно подобранные авторские иллюстрации (например, помещение фотографии усопшего на надгробном памятнике; и рядом – мемориалы на месте уничтоженных казахских селений) (с. 192–201). Все подобные факты противоречивой практики народного ислама буквально пропитаны лаконичными авторскими комментариями, как подтверждающими, так и не согласными с высказываниями отдельных людей. Но вместе они создают у читателя ощущение живого, динамичного процесса.

Повсеместная черта народного ислама – массовые паломничества к святым местам; у российских казахов – к известному мавзолею Ахмада Ясеви и ряда других святынь в Южном Казахстане («малый хадж») (с. 219). Среди последних казахстанские религиозведы уже отметили новые места массового поклонения, священный статус которых еще окончательно не установился (с. 205–209)¹. С ними связано и еще одно новшество. Согласно местным мусульманским традициям смотрителями на мазарах обычно были авторитетные суфии, «живые святыне», обладатели божественной благодати («баракат»). Однако в последние годы помимо них появились новые фигуры – знатоки местной истории и обычаев, которые организуют и координируют потоки паломников, но главное – «лечат» приехавших, «духовно очищают», выступая в роли «медиумов» между местными святыми, духами и паломниками (с. 210–212). Несмотря на новизну таких фактов, их смысл, кажется, свидетельствует о вполне традиционном, народном толковании самой природы религиозных авторитетов, амбивалентно сочетающих в своих практиках установления ислама и доисламских культов, в первую очередь шаманства. Да и сами шаманы часто уверены, что они правоверные мусульмане, а их деятельность – от Аллаха (с. 231–236). Книга переполнена такого рода утверждениями, рассказами, байками, которые демонстрируют, как «непротиворечиво» уживаются в народном сознании мусульманские и доисламские элементы; но они же помогают читателю прикоснуться к мироощущению народа.

¹ Ср.: *Подвижники ислама (культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе)* / Сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 6–7.

В результате у читателя постепенно складывается мозаичное, хотя и несколько противоречивое представление о современной религиозности российских казахов. Так, многие из них полагают, что они даже более строгие мусульмане, нежели сородичи в Казахстане, но в то же время ежедневная пятикратная молитва (намаз), один из «пяти столпов ислама», не считается здесь строго обязательной, если ее замещает краткое благословение с элементами молитвы, содержащее обращение к Всевышнему (с. 240–243). Аналогичных примеров упрощения мусульманских предписаний немало, но вместе с тем в книге убедительно показано, насколько важна для российских казахов сама причастность исламу: она не только знак их религиозной принадлежности, но и выражение этнической, национальной идентичности (с. 244). Впрочем, этот вывод тоже не так прост и прямолинеен – если для большинства казахов традиционный, народный ислам и есть воплощение их истории и этнической культуры, то для молодежи, напротив, только «очищенный» от старинных пережитков ислам превращается в главный символ национального самосознания казахов (с. 266). Таким образом, трансформации в религиозной сфере российских казахов хотя и обладают своеобразными, иногда даже парадоксальными чертами, но в широкой перспективе – они довольно типичны для мусульман России и Центральной Азии.

При содержательной насыщенности всех разделов монографии небезынтересно отметить, какие черты модернизации казахских традиций выделены авторами как самые значимые (с. 262–270). Важной тенденцией в жизни современных российских казахов авторы считают выдвигание на первый план активных людей, не пассивно воспроизводящих старинные обычаи, а пересоздающих, адаптирующих традиции сообразно изменившейся жизни (с. 263–264). К этому авторскому наблюдению хочется добавить: приведенные рассказы о таких людях, безусловно, показательны, но их деятельность возможна лишь благодаря опоре на единомышленников, сородичей, соратников: роль личности в истории, как известно, успешна при поддержке «снизу», когда усилия и дела талантливых лидеров выражают народные чаяния и устремления.

Авторы поставили себе непростую задачу – не просто констатировать факты изменений в казахской традиции, но показать основные формы ее адаптации и осуществляющих их людей (с. 263). Последнее, несомненно, удалось, ибо был подобран верный ключ к изложению собранных сведений о современной культуре российских казахов. Она представлена в двух оптиках – с точки зрения самих казахов и в восприятии и толковании авторов, т.е. людей «со стороны», находящихся вне изучаемых процессов, но давно, систематически и внимательно наблюдающих за ними – через личное, вдумчивое и неспешное общение с простыми людьми и с представителями местной «элиты», с религиозными деятелями разной ориентации и с учеными коллегами. Нередко случающийся при этом разноречивый анализ и объяснений сопровождается лаконичными комментариями авторов, неустанно указывающих на незавершенность всех описываемых процессов, на их текучесть и динамизм. Такой прием позволяет читателю погрузиться в логику народного сознания, ибо в конечном счете именно оно социально и психологически обуславливает сохранение либо угасание местных традиций в укладе жизни и быта, в привычных ценностях и этикете, в верованиях и обрядности, всего, что приближает к неуловимой пока цели – понять причины неистребимой (пока) народной потребности в традиции в любом варианте ее преобразования.

Размышляя о современных судьбах традиций, нельзя обойти вниманием еще одну черту авторских комментариев – отход от привычного деления на «старинные» и «современные», «органические» и недавно «изобретенные» традиции. Характерно, что этот принцип соответствует как новейшим веяниям гуманитарного знания, так и традиционному (обычно безразличному) отношению народа к хронологической характеристике элементов своей культуры.

И последнее. Монография, как и всякое другое сочинение, в принципе не может быть абсолютно совершенной, а количество и качество критических замечаний и претензий к авторам скорее зависят от позиции рецензента; я ограничусь лишь одним пожеланием на будущее. Характеристика любого предмета изучения всегда выигрывает от его рассмотрения в разных контекстах, поэтому желательно продолжение этого удачно начатого исследования и дальнейшее расширение его сравнительно-аналитических горизонтов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧВЫРЬ Людмила Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.	Luidmila A. CHVYR – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
---	---